

Владимир Короленко

Птицы небесные

Владимир Короленко

Птицы небесные

«Public Domain»

1889

Короленко В. Г.

Птицы небесные / В. Г. Короленко — «Public Domain», 1889

ISBN 978-5-457-13385-3

«...В этот день монастырщина праздновала встречу иконы. Долго, месяца два уже странствовала «владычица» по разным местам, и теперь возвращалась домой. Первыми приехали на троечных тарантасах, с колокольцами и бубенцами, сопровождавшие ее отцы, привезшие в монастырь собранную за время странствий казну. Вид у них был здоровый, сытый и довольный. Потом из лесу повалили пестрые кучи передовых богомольцев, все гуще и гуще, пока наконец не сверкнул над головами золоченый оклад иконы, переливаясь на солнце...»

ISBN 978-5-457-13385-3

© Короленко В. Г., 1889

© Public Domain, 1889

Содержание

I	5
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Галактионович Короленко

Птицы небесные

I

...В этот день монастырщина праздновала встречу иконы. Долго, месяца два уже странствовала «владычица» по разным местам, и теперь возвращалась домой.

Первыми приехали на троечных тарантасах, с колокольцами и бубенцами, сопровождавшие ее отцы, привезшие в монастырь собранную за время странствий казну. Вид у них был здоровый, сытый и довольный. Потом из лесу повалили пестрые кучи передовых богомольцев, все гуще и гуще, пока наконец не сверкнул над головами золоченый оклад иконы, переливаясь на солнце.

Звенели колокола, блестели и колыхались хоругви, пение хора и топот тысячной толпы, точно прибывающая река, заполнили тихую монастырскую слободку.

Монастырщина ожила. В церкви пели молебны, на площади выкрикивали под холщовыми навесами торговцы и торговки, из «заведения» слышались звуки гармоники и бубна, в избах слободки одна партия богомольцев сменяла другую за столами, на которых пыхтели огромные самовары.

Перед вечером вдруг пошел густой дождь, разогнавший с базара и толпу, и торговцев. На площади и на улицах стало тихо, только частые крупные капли плескались в лужах, да ветер метался и хлопал промокшими навесами, да из церкви слышалось стройное пение, а в глубине храма мелькали желтые огоньки свечей.

Когда туча вдруг снялась и поплыла на восток, волоча за собой над полями и над лесом изорванную пелену туманов, – на западе выглянуло солнце и ласково тронуло своими последними лучами окна слободки и кресты монастыря. Но оживление уже не вернулось на базарную площадь: богомольцы внесли за собой тихую жажду отдыха после трудного пути, и день угасал, вместе с последними нотами отходящей церковной службы. Даже бубен за стеной «заведения» громыхал изнеможенно и глухо.

Служба кончилась. В глубине храма свечи гасли одна за другой. Богомольцы расходились. У монастырского странноприимного дома стояли кучки странников и богомолков, ожидавших, пока отец-гостиник разрешит вход просящим ночлега. На крыльцо вышел толстый монах и два послушника и принялись отделять овец от козлищ. Овцы входили в дверь, козлища изгонялись и, ворча, выходили в ворота. Когда эта процедура закончилась, у входа осталась кучка мордочек и фигура странника. По-видимому, их участь еще решалась отцом-гостиником, который ушел внутрь здания.

Через минуту вышли послушники и, сосчитав мордочек, пустили их в женское отделение. К одинокому страннику подошел старший послушник и, поклонившись, сказал:

– Прости, христа-ради, брат Варсонофий... Отец-гостиник не благословляет тебе остаться... Иди с миром.

По лицу молодого странника прошла болезненная улыбка, поразившая меня каким-то особенным драматизмом и значительностью. Лицо у него было тоже замечательное: очень горбоносое, худое, с горящими большими глазами. Острый шлык и чуть заметная заостренная бородка придавали этому лицу что-то необыкновенно характерное. Вся сухая фигура в старом подряснике, с тонкой шеей и выдающимся профилем, обращала невольное внимание. Впечатление было резкое, тревожащее и беспокоящее.

Выслушав слова послушника, странник поклонился и сказал:

– Бог спасет и на том...

Он повернулся, чтобы уйти, и вдруг пошатнулся. Видно было, что он болен и смертельно устал. Добродушный послушник посмотрел ему вслед и заколебался.

– Пстой мало, брат Варсонофий... Схожу еще.

Странник облокотился на палку и застыл в ожидании. Но через минуту послушник опять вышел из двери и, смущенно подойдя к нему, – сказал с видимым сожаленьем:

– Нет, не благословляет... Отец Нифонт донес ему, якобы тут странник один... вроде тебя... глаголет неподобная... смущает народ.

В лице странника мелькнуло что-то... Глаза его блеснули, как будто он хотел возразить, но потом поклонился и сказал:

– Благодарствуйте, отцы...

И он устало побрел со двора.

Послушник вопросительно посмотрел на меня. Я понял, что он собирается закрывать ворота, и тоже вышел на передний двор. Здесь было уже пусто. Молодой продавец монастырских калачей стоял за ларем, к которому никто не подходил.

Вратарь закрыл за мною одну воротину, потом, тяжело упираясь ногами, стал закрывать и другую. В это время за воротами послышалась возня, затоптались несколько пар ног, щель опять раздвинулась, и в ней показалась невзрачная фигура в странническом костюме, рыжем и полинявшем. Ее невольными движениями управляла дюжая рука, державшая ее за шиворот. Крепкий толчок... Странник отлетел на несколько шагов и упал, а за ним вдогонку полетела котомка, потом другая... Небольшая книжечка в истрепанном кожаном переплете шлепнулась в грязь, шелестя по ветру листьями.

– Вот эдак... – сказал за воротами жирный бас. – Не озоруйте...

– А что? – спросил голос вратаря.

– Как же, – ответил бас... – Из-за него вот отец-гостиник согрешил... человека прогнал... И человек-то хороший. Ох-хо... истинно грехи...

И говоривший удалился. Отец вратарь сомкнул ворота, но не вполне: в щелку любопытно выглянули его маленькие глазки, толстый нос и светлые усы. Он с видимым интересом следил за дальнейшими намерениями извергнутого странника.

Последний успел подняться, взял котомки, вскинул их одну на спину, другую через плечо и потом, подняв книгу, старательно стал очищать ее от грязи. Кинув быстрый взгляд по двору, он заметил меня и калашника. Из-за наружных ворот, с площади, маленькое происшествие наблюдала кучка мужиков. Как будто сообразив что-то, странник приосанился, с демонстративным благоговением поцеловал переплет книги и отвесил саркастический поклон по направлению к внутренним воротам...

– Спасибо, отцы святые... Яко странного мя приясте, и алчущего накормисте...

И вдруг, заметив в щели ворот усы и нос вратаря, он сказал другим тоном:

– Что смотришь? Или признал?

– Что-то будто... того... признавательно, – сказал привратник.

– Как же, как же!.. Приятеля! К свиридовским мордовкам вместе бегали... Узнал теперь?..

Привратник громко и с негодованием плюнул, сдвинул ворота и задвинул засов. Но ноги его в грубых сапогах еще некоторое время виднелись из-под ворот...

– Феньку вспоминаешь ли, отче?..

Ноги стыдливо скрылись...

Странник поправил грязную мурмолку и опять оглянулся. Привлеченные пикантным разговором человек шесть мужиков вошли в ворота. Это были ближайшие соседи монастыря, старообрядцы из ближних деревень, толкавшиеся по базару с видом равнодушного, пожалуй, несколько враждебного любопытства. Монастырь, далеко простирающий свое влияние, вблизи охвачен, точно кольцом, «самым злющим», по выражению монахов, рас-

колом. Среди окрестных жителей сложилась определенная легенда, что в самом недалеком будущем монастырю грозит участь Содома и Гоморры... Но пока монастырь живет и привлекает в свои праздники тысячные толпы народа. В такие дни фигуры соседей-старообрядцев как-то угрюмо выделяются в ликующей толпе, и на их лицах виднеется отчужденность и досада. Подобно пророку Ионе, они ропщут, что господь медлит совершить предначинанную судьбу обреченной Ниневии.¹

Теперь они с злорадным любопытством смотрели на сцену у ворот обители нечестивых.

– Что? Видно не пускают... – сказал один насмешливо. – Самим тесно... с мордовками-то...

Странник повернулся и кинул на говорящего острый взгляд. Но вдруг лицо его приняло смиренное выражение, и, опять повернувшись к воротам, он трижды истово и широко перекрестился.

Мужики переглянулись с недоумением: странник крестился не шепотом, а старым двухперстным крестом.

– Господь, видящий всяческая, да воздаст мнихам по милосердию их, – сказал он со вздохом. – Мы же, братие, отряси прах от ног своих, послушаем здесь, во храме нерукотворном (он указал красивым и спокойным движением на вечернее небо), поучительного слова о покаянии...

Мужики сомкнулись; на их лицах виднелось радостное и отчасти недоверчивое недоумение. Обращение было слишком уже неожиданно... Мысль устроить на чуждом празднике свое собеседование и у самых ворот монастыря послушать странствующего проповедника, знаменующегося старым крестом, видимо, нравилась людям старой веры. Проповедник стоял у подножия колокольни. Ветер шевелил его запыленные светлые волосы.

Это был человек неопределенного возраста, но, очевидно, еще не старый. На лице у него лежал сильный загар, а волосы и глаза как будто выцвели от солнца и непогоды.

При каждом даже незначительном движении головы на шее у него резко выступали и шевелились сухожилия. Невольно чуялось в этом человеке что-то несчастное, чутко настроенное и, пожалуй, злое.

Он стал громко читать свою книгу. Читал хорошо, просто, убедительно и, по временам останавливаясь, вставлял собственные комментарии. Однажды он быстро взглянул на меня, но тотчас же отвел глаза. Казалось, мое присутствие было ему неприятно. После этого он обращался больше к одному из слушателей.

Это был широкоплечий приземистый мужик с фигурой, точно вырубленной двумя-тремя ударами топора. Несмотря на эту топорность фигуры, он оказался чрезвычайно экспансивным. За каждым словом проповедника он следил с увлечением и снабжал их собственными репликами, в которых неизменно звучала какая-то почти детская радость.

– Ах, братия... милые мои, – говорил он, оглядываясь. – Ах, премудро это насчет покаяния... Стало быть, выходит лестница?... Вот-вот... А мы грешные по ей... с приступочки да на приступочку?... Так, так...

– И все, значит, кверху да кверху... – пробасил другой.

– Верно... Глядишь, и того... А?..

И он сияющими глазами окидывал собрание...

¹ Подобно пророку Ионе, они ропщут... – в Библии в книге пророка Ионы рассказывается, как Иона возроптал на бога за то, что тот не выполнил своего решения покарать Ниневию за совершенные жителями ее злодеяния после того, как они раскаялись и «отвратились от злого пути своего».

Однако его шумное вмешательство и его радость, по-видимому, не понравились проповеднику. Он вдруг остановился, слегка повернул голову, и сухожилия на его шее заходили, как веревки... Он как будто хотел сказать что-то, но сдержался и перевернул страницу.

Оказалось, что слушатели возрадовались преждевременно. В то самое время, когда они находятся на вершине ликования, – гордыня и излишнее упование отягчают лестницу. Она трещит, на лицах слушателей отражается испуг, лестница подламывается...

– Тепериче кончено! – говорит басистый мужик мрачно.

– Теперича ау, брат! – подхватывает первый. И странное дело: он опять оглядывает всех сияющими глазами, а в его голосе слышится та же радость... – Теперича нет нам ходу... И на первую приступочку не пустют.

Странник закрывает книгу и несколько секунд смотрит на говорящего упорным взглядом. Но мужик встречает этот взгляд с тем же радостным и доверчивым благодушием.

– Вы так... полагаете? – спрашивает проповедник.

– Полагаем, – отвечает спрошенный. – Сам посуди, милый человек... До коих же пор терпеть на нас?..

– Вы так полагаете? – опять говорит проповедник с натиском, и в голосе его звучит что-то, вызывающее на лице спрошенного признаки беспокойства...

– То есть полагаете предел долготерпению всевышнего. А известно ли вам, братие, что есть православная кафолическая церковь...

Он перевертывает несколько страниц и начинает читать о духовном могуществе православной церкви. Лица слушателей темнеют. Проповедник останавливается и говорит:

– Православная кафолическая церковь... Не она ли сия спасительная лестница?.. Кто прибегает к ней – не может отчаяться. А вот... ежели...

На несколько секунд водворяется напряженное молчание. Странник стоит против кучки мужиков, и чувствуется, что он держит в своих руках их настроение. Еще недавно они радостно следовали за ним, и не трудно было предвидеть последствия проповеди: люди старой веры готовы были пригласить к себе монастырского изгнанника. Теперь они смущены и не знают, что думать...

– А вот ежели, – продолжал странник, отчеканивая слова, – кто отвержеся единой матери церкви... кто полагает спастись в подпольях, с крысами... кто уповает на стриженные гуменца...

Басистый мужик резко повернулся и пошел прочь... Его благодушный сотоварищ оглянулся с видом разочарованности и недоумения и кинул тоном полувопроса:

– Оканфузил?.. Ишь ты... Ай-ай-ай...

И последовал за другими. Раскольники угрюмо направились к воротам. Странник, остался один. Его фигура резко выделялась на фоне колокольни, и в выцветших, когда-то синих глазах стояло странное выражение. По-видимому, он думал своей проповедью обеспечить себе ночлег, в котором ему отказали монахи. Почему же он вдруг изменил тон?..

Теперь во дворе нас было только трое: странник, я и молодой парень под калашным навесом. Странник кинул быстрый взгляд в мою сторону, но тотчас отвернулся и подошел к калашнику. Лицо молодого парня сияло от удовольствия.

– А ловко ты их, – сказал он... – Уж именно что оканфузил. Вишь, – у всех на макушках-те гуменца выстрижены... Черти горох молотили. Хо-хо-хо!

Парень залился веселым молодым смехом и принялся убирать с прилавка товар внутрь ларя.

Окончив это, он закрыл раздвижные дверцы и запер их на замок. Ларь был устроен удобно, в расчете на передвижение, – на колесиках и с нижним помещением. Парень, очевидно, намеревался ночевать тут же, у хозяйского добра...

– Одначе пора и на покой, – сказал он, поглядев на небо.

На дворе и за воротами, было тихо и пусто. На базаре тоже убирались с товаром. Парень покрестился на церковь и, открыв немного дверку, полез под ларь.

Вскоре оттуда показались его руки. Он старался изнутри приладить небольшую заслонку к отверстию.

Странник тоже оглянулся на небо, подумал несколько секунд и решительно подошел к ларю.

– Постой, Михайло! Я тебе, добрый человек, помогу.

Белец убрал руки и выглянул снизу вверх из своего убежища.

– Антон я, – сказал он простодушно.

– Ну, Антоша, давай помогу тебе.

– Ин помоги, спасибо скажу. Вишь, отседа трудно.

Простодушное лицо Антона скрылось.

– Убери-ко-сь ноги-то маленько.

Антон исполнил и это распоряжение. Тогда странник спокойно отставил дверку, поворно наклонился, и я с удивлением увидел, как он быстро юркнул в отверстие. Началась возня: Антон двинул ногами, и часть страннической фигуры показалась было на мгновение наружи, но тотчас же втянулась опять.

Заинтересованный этим неожиданным оборотом, я почти инстинктивно подошел к ларю.

– А я закричу, пра, закричу, – услышал я оттуда гнусаво-жалобный голос Антона. – Вот уж отцы опять накладывают тебе в загорбок!

– А ты не кричи, Миша, зачем кричать? – убеждал странник.

– Какой я тебе Миша... говорю, меня Антоном кстили...

– В монастыре наречен будешь Михаилом. Помяни тогда мое слово... Тс-с-с! Тише, Антоша, помолчи-ко-сь.

В ларе водворилось молчание.

– Чего? – спросил Антон. – Чего слушаешь?

– Слышь, стучит... Дождик ведь.

– Ну так что?.. Стучит... Закричать вот, – отцы тебе лучше того настукают.

– Ну, что ты все заладил одно: закричу да закричу. А ты лучше не кричи. Что я тебя съем, что ли? Я вот тебе еще про монашку сказку хорошую расскажу...

– Скрадешь, смотри, чего-нибудь.

– Грех тебе, Антоша, на странного человека клепать. Один-то калач и сам дашь. Не ел нынче, – веришь ты богу...

– На вот, кусай черствый... Сам не съел... – И Антон зевнул с таким аппетитом, что всякая мысль о дальнейшем противодействии устранилась.

– А и ловко ты их, кулугуров-то, оканфузил, – добавил он, доканчивая аппетитный зевок. – Уж это именно, что обличил.

– А отцов?

– Отцы на тебя плевать хотели... Обещал сказку сказать... Что ж не сказываешь?

– В некотором царстве, в некотором государстве, – начал странник, – в монастыре за каменной стеной жила-проживала, братец ты мой Антошенька, монашка... Уж такая проживала монашка-а, охо-хо-о-о...

– Ну...

– Ну, жила-проживала, сохла-горевала...

Молчание...

– Ну?.. Сказывай, что ли.

Опять молчание.

– Ну! Да ты что же? О ком горевала-то?.. – приставал заинтересованный Антон.

– Ступай ты ко псу, что пристал! Что я тебе за сказочник дался! Чай, за день-то я тридцать верст отмахал. Об тебе, дураке, и горевала, вот о ком. Не мешай спать!

Антон испустил какой-то звук, выразивший крайнее изумление.

– Н-ну, и жох ты, посмотрю я на тебя, – сказал он с упреком.

– Право, лукавый, – слышалось еще через минуту тише и как-то печально... – Н-ну-у, лукавец... Эдакого лукавца я и не видывал...

В лаге все смолкло. Дождь все чаще стучал по наклонной крышке, земля почернела, лужи исчезали в темноте; монастырский сад шептал что-то, а здания за стеной беззащитно стояли под дождем, который журчал, стекая по водосточным трубам. Сторож за оградой стучал в промокшую трещотку.

II

На следующий день я с Андреем Ивановичем, товарищем многих моих путешествий, вышли в обратный путь. Шли мы не без приключений, ночевали в селе и оттуда опять тронулись не рано. Дорога совсем уже опустела от богомольцев, и трудно было представить себе, что по ней так еще недавно двигались толпы народа. Деревни имели будничный вид, в полях изредка белели фигуры работающих. В воздухе было душно и знойно.

Мой спутник, человек длинный, сухопарый и нервный, был сегодня нарочито мрачен и раздражителен. Это случалось с ним нередко под конец наших общих экскурсий. Но сегодня он был особенно не в духе и высказывал недовольство мною лично.

После полудня, в жару, мы уже совершенно надоели друг другу. Андрей Иванович почему-то считал нужным отдыхать без всякой причины в самых, неудобных местах или, наоборот, желал непременно идти дальше, когда я предлагал отдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.